

Лю Хэн долго не получал вестей от Хэ Чжицзина, и в ушах звучали настойчивые слова матери, заставляя его волноваться вместе с ней. Но он все же был главой семьи и, немного подумав, отправил одного из своих проворных слуг выяснить обстановку. Слуга поспешил к зданию Министерства наказаний и как раз наткнулся на несколько карет, сразу же спрятавшись у стены.

Из кареты вышел не Ци Цзяньсы.

Хэ Чжицзин был как муравей на горячей сковороде, но, увидев приближающегося Цао Фучжуна, любимца императора, он успокоился. Он уже видел конец этой истории и спокойно поздоровался:

— Как это вас угораздило лично приехать, господин Цао? Боюсь, я отвлек вас от важных дел при дворе.

— Вы слишком любезны, господин Хэ. Сегодня я буду краток и передам устный указ Его Величества.

Цао Фучжун улыбнулся и начал говорить своим хриплым голосом:

— Сегодняшние события не должны выйти за пределы этих стен. Что касается того, кто наговорил глупостей, пусть соберет вещи и отправится на юго-запад.

Груз с сердца упал, и Хэ Чжицзин поклонился:

— Я исполню волю императора.

Слуга за дверью, дрожа от страха, бросился бежать в сторону особняка Лю. Когда он предстал перед Лю Хэном, уже задыхаясь, тот почувствовал раздражение, но в следующее мгновение услышал дрожащий голос слуги:

— Господин! Ваш сын... вашего сына сослали на юго-запад!

Услышав это, мать Лю Хэна пошатнулась и с криком упала на руки служанки.

— Позаботьтесь о матушке, не дайте ей расстроиться! Я сам отправлюсь в Министерство наказаний!

Лю Хэн, тяжело дыша, зашагал туда-сюда, а затем поспешил к зданию Министерства.

Цао Фучжун, закончив свои дела, уже был уведен младшими евнухами в карету,

возвращающуюся во дворец. Когда Лю Хэн прибыл, Хэ Чжицзин сидел с закрытыми глазами под висящей на стене табличкой. Лю Хэн, не тратя времени на формальности, сразу перешел к делу:

— Господин Хэ, как поживает мой сын?

Он не знал о том, что Лю Синьюань наговорил в зале суда, и думал только о деле об убийстве. Хэ Чжицзин отослал всех и, не называя Лю Хэна зятем, сразу же дистанцировался от семьи Лю:

— Господин Лю, после допроса вашего сына сегодня утром, даже если он и не виновен в тех убийствах, это уже не имеет значения. Я скажу вам прямо: ваш сын теперь связан с тем, кто сидит на золотом троне. Вы ведь понимаете, что значит назвать имя императора?

Семь жизней на счету и одно имя — что важнее, зависит от того, кто за этим стоит. Лю Хэн потемнел в глазах и едва не упал. Хэ Чжицзин продолжил:

— Господин Лю, император проявил милосердие и оставил вашему сыну жизнь. Сейчас он все еще в тюрьме Министерства наказаний. Раз уж вы здесь, заберите его и проведите немного времени вместе.

Лю Хэн сжал руку в рукаве, на мгновение колеблясь, и затем слабо произнес:

— Пожалуйста, укажите мне дорогу.

Солнце уже клонилось к закату, когда тюремщики, сидя у железных дверей, жадно ели из своих мисок. Увидев, что начальник пришел с высокопоставленным чиновником, они сразу же отложили посуду и, опустив головы, вежливо поклонились. В тюрьме было холодно, и Хэ Чжицзин хотел, чтобы тюремщики вывели Лю Синьюаня, но Лю Хэн сказал, что сам справится. Тогда Хэ Чжицзин махнул рукой, чтобы они не следовали за ним, и открыл внешнюю дверь тюрьмы, позволив Лю Хэну найти своего сына.

Но прошло всего мгновение, как из камеры раздался горестный крик!

Хэ Чжицзин вздрогнул и быстро вошел внутрь. Железные цепи, укреплявшие дверь, были открыты, и ключ брошен на пол. Перед ним стоял Лю Хэн, полулежащий на коленях, с Лю Синьюанем в его руках! Глаза Лю Синьюаня были широко открыты, а Лю Хэн, смотрящий на него, кричал в отчаянии:

— Синьюань, мой сын!

Когда Лю Хэн подошел к двери камеры, он нашел только еще теплый труп. Лю Синьюань уже умер, его глаза, полные крови, смотрели на железную дверь. Лю Хэн, не осознавая, что делает,

проливал горячие слезы, крепко обнимая тело сына. Его грубые руки раздвинули спутанные волосы, и высохшее лицо Лю Синьюаня чуть не разорвало сердце Лю Хэна.

Он резко взглянул на угол одежды Хэ Чжицзина и закричал:

— Хэ Чжицзин! Ты сказал, что мой сын жив! Император лишь сослал его, он не приказывал его убивать!

Хэ Чжицзин был шокирован увиденным, но, услышав вопрос Лю Хэна, растерялся:

— Несколько часов назад он был жив! После допроса я его больше не видел.

Лю Хэн вытер слезы с лица, не обращая внимания на слова Хэ Чжицзина, и, подняв тело сына, почувствовал, как оно стало легче, что вызвало новую волну боли в его сердце.

В ту ночь в особняке Лю царил хаос: плачущая мать Лю Хэна, тихо рыдающая Хэ Вань и подавленный Лю Хэн — шум не утихал долгое время.

Когда новость дошла до императора Юнькана, он лежал на мягком диване во дворце Сяньфу, слушая, как драгоценная наложница Нин играет на цитре, и лишь холодно произнес:

— Всего лишь недостойный сын, ничего страшного, что его больше нет.

За пределами дворца молодой человек с коробкой сосновых конфет в руках время от времени ел одну, чтобы утолить голод. Лу Сяо издали увидел приближающегося старика в роскошной одежде, с седыми волосами, но бодрым лицом.

Лу Сяо перестал есть. Он ущипнул себя за щеку, сделал милое лицо, и подошел к старику. Это был Цуй Юй, наставник Академии Ханьлинь, которому уже исполнилось шестьдесят лет, но его лицо было румяным, как у сорокалетнего.

Цуй Юй давно говорил, что больше не будет брать учеников, но два года назад, в день экзаменов, он сразу же выбрал этого первого лауреата и, движимый любовью к талантам, все же взял его в ученики.

— Учитель!

Лу Сяо подпрыгнул, но получил легкий удар по лбу от Цуй Юя и с обидой сказал:

— Учитель, вы снова меня бьете!

Цуй Юй на самом деле не хотел его бить, просто его ученику уже почти двадцать, а он все еще ведет себя как ребенок, и ему хотелось потискать его.

— Ну, что случилось?

Лу Сяо глупо улыбнулся:

— Учитель, вы так прямолинейны, тогда и я скажу прямо.

Сказав это, Лу Сяо таинственно попросил Цуй Юя пройти с ним немного дальше, и только когда они сели в карету Цуй Юя, он заговорил.

Здесь, где они были вдвоем, Лу Сяо вдруг замолчал, а затем сказал:

— Учитель, я нерадивый, каждый раз, когда вы зовете меня в Академию Ханьлинь учиться, я придумываю отговорки. Теперь у меня есть вопрос, и я пришел к вам за ответом. Но боюсь, что вы... не захотите мне сказать.

Цуй Юй усмехнулся:

— Раз уж я взял тебя в ученики, то не откажусь от тебя. Спрашивай, если я знаю, обязательно отвечу.

— ...Тогда, учитель, вы знаете, есть ли в мире лекарство, которое может вызвать помутнение рассудка и повредить сердце?

Цуй Юй был шокирован, но не показал вида:

— Конечно, есть. В книгах записано, что один народный лекарь во времена прошлой династии случайно создал его, собирая травы. Но лекарство — это яд, и оно скорее яд, чем лекарство.

— А что случилось с этим лекарем потом?

Лу Сяо воспользовался моментом.

— Потом его семью похитили, чтобы заставить его создавать яды.

Лу Сяо вздрогнул, а Цуй Юй продолжил:

— Лу Сяо, я знаю, о чем ты спрашиваешь. Это очень высокопоставленный человек, ты уже

получил ответ, и не стоит копаться в том, что тебя не касается.

Дела при дворе шумели, и даже Цуй Юй, хотя и старался не обращать внимания, кое-что знал.

— Учитель, не беспокойтесь, я понял.

Лу Сяо сладко улыбнулся, вежливо проводил Цуй Юя домой, где его встретила жена учителя, и они вместе поужинали. Лу Сяо не стеснялся, и за столом он развеселил пару, но Цуй Юй все же был обеспокоен. Лу Сяо, поглаживая свой круглый живот, на прощание серьезно пообещал учителю не лезть в чужие дела, и только тогда Цуй Юй успокоился.

Дом Цуй Юя находился в двух улицах от маленького дворика Лу Сяо, и он неспешно шел по дороге, наслаждаясь прогулкой.

В огромном Чанъане сделать так, чтобы человек бесследно исчез, было несложно, но ничто не может быть скрыто вечно, особенно если исчезший — сын министра ритуалов, одного из высших чиновников.

Простые люди продолжали жить своей жизнью, а смерть Лю Синьюаня вызвала небольшую бурю при дворе. Лу Сяо не знал, что именно произошло в день допроса, но чиновники сплетничали, и министр Хэ был главным подозреваемым, подозрение падало и на Ци Цзяньсы, а кто-то даже смеялся, что это месть призрака.

<http://bllate.org/book/15439/1369291>